

На картине был густой туман, и лишь едва угадывался силуэт, настолько размытый, что невозможно было понять, кто это — мужчина или женщина.

Несмотря на нечёткость изображения, Е Цзюньчэ вспомнил свой сон...

Эта картина была так похожа на его сон...

Он подошёл ближе, чтобы рассмотреть её, и увидел надпись: «Не знаю, куда вернуться, не знаю, где искать».

Это тоже было работой Лю Шуансы...

Лавка ароматов называлась «Гуйсюнь», и, оказывается, это было вдохновлено этой картиной.

Лю Шуансы...

Снова Лю Шуансы...

Прошло уже триста лет, но Цзысан Яньшу всё ещё не забыл его.

У богов такая долгая жизнь, но если он уйдёт, как долго его будут помнить?

— Аче?

Увидев, что Е Цзюньчэ застыл перед картиной, Цзысан Яньшу тихо позвал его, вернув его к реальности.

— Ладно... — Е Цзюньчэ вздохнул про себя. — Что бы ни было в прошлом или будущем, только настоящее важно.

Он отбросил все свои мрачные мысли и, повернувшись к Цзысан Яньшу, улыбнулся:

— Цзин Цянь нашёл несколько интересных мест. Сегодня день рождения императора, и вечером будет фестиваль фонарей. Улицы будут полны людей, и я давно не видел такой праздник в столице Ли. Давай сегодня вместе посмотрим на фонари.

В мире людей каждый праздник — это время веселья, и у людей всегда есть повод для радости.

Именно в такие моменты рынки оживают.

Когда Лю Шуансы был жив, это было самое трудное и хаотичное время для Жуйцзи.

Тогда Жуйцзи только начинал своё существование, внутри царил беспорядок, а внешние враги постоянно угрожали. Людям было трудно выживать, и у них не было времени думать о праздниках.

Поэтому в те времена Цзысан Яньшу не видел человеческого веселья.

А потом...

Потом он пообещал хранить процветание столицы Ли, но сам так и не смог насладиться им в полной мере.

Теперь, идя по самой оживлённой улице столицы Ли, он видел множество фонарей, но его глаза искали не их.

Он хотел в потоке людей и мерцании фонарей найти того юношу, который когда-то шёл с ним по улице, и слышал его голос:

— Яньшу...

— Яньшу, посмотри, как красив этот драконий фонарь!

— Яньшу, давай отпустим фонари!

На каждый зов он отвечал с улыбкой: «Хорошо».

Ведь «Гуйсюнь» могло означать и тоску по возвращению того, кого невозможно найти...

Е Цзюньчэ выбрал два красивых фонаря в форме лотоса и с восторгом протянул их Цзысан Яньшу:

— Яньшу, в мире людей, если написать желание на фонаре и отпустить его по воде, чем дальше он уплывёт, тем больше будет благословений.

Цзысан Яньшу стоял на берегу с фонарём в руках, но ничего на нём не писал.

Он смотрел, как Е Цзюньчэ и Цзин Цянь сосредоточенно пишут свои желания.

Когда Цзин Цянь закончил, он поднял глаза и спросил:

— Господин Цзысан, вы не напишете?

— Нет, — Цзысан Яньшу покачал головой. — Люди просят богов исполнить их желания, но все реки впадают в море. Эти фонари доплывут только до моря, а моё желание не под силу ни небесам, ни морю.

Цзин Цянь смущённо почесал затылок:

— Я забыл, что вы сами бог, и вам не нужно молиться небесам.

Цзысан Яньшу не собирался отпускать фонарь. Он присел на корточки и тихо спросил:

— А что ты загадал, юный господин?

Е Цзюньчэ тут же прикрыл фонарь рукой и, хихикая, отстранился:

— Желания нельзя говорить вслух, иначе они не сбудутся. Хотя ты бог и можешь исполнить любое желание, слишком лёгкое исполнение лишает его смысла. Оставь мне немного тайны.

— О-о-о... — Цзысан Яньшу протянул, отворачиваясь, но ему было любопытно, что же написал Е Цзюньчэ.

Фонарь в его руках был чист, и он бережно прикрывал его, чтобы даже пыль не коснулась.

Е Цзюньчэ заметил, что на фонаре Цзысан Яньшу ничего не написано, и сказал:

— Ты не напишешь своё желание? Даже боги чего-то хотят. Напиши, это будет память.

Цзысан Яньшу сжал фонарь в руках, не решаясь отпустить его. Наконец, он посмотрел на Е Цзюньчэ с ожиданием:

— Тогда... потом ты подаришь мне что-нибудь ещё?

Как ребёнок, просящий конфету, он выглядел так мило, что Е Цзюньчэ не сдержал смеха:

— Хорошо, всё, что ты захочешь на этой улице, я куплю. У поместья Юнхоу достаточно серебра.

— Отлично! — Цзысан Яньшу улыбнулся, и на его щеках появились ямочки.

— Яньшу, хотя бы для формы оставь память, — Е Цзюньчэ протянул ему ручку, полный ожидания.

Цзысан Яньшу колебался, но наконец написал три слова:

«Жду возвращения».

Он ждал одного человека, ждал так долго...

Он искал его по всем трём мирам, но так и не смог найти...

Е Цзюньчэ почувствовал, как сердце сжалось, когда он увидел эти слова.

Но, видя искренний и ожидающий взгляд Цзысан Яньшу, он почувствовал боль.

В воздухе витала лёгкая грусть, и Е Цзюньчэ поспешил разрядить обстановку:

— Вот почему ты не хотел писать. Твой почерк... нужно подтянуть...

Он не шутил. Почерк Цзысан Яньшу сильно отличался от его изысканной внешности. Если бы Е Цзюньчэ не видел, как он пишет, он бы не поверил, что эти корявые буквы принадлежат ему.

Но Король Драконов не придавал этому значения и лишь с лёгкой грустью сказал:

— Тогда я не научился писать хорошо, и потом уже не было возможности...

Снова речь зашла о том, кто не вернулся...

Е Цзюньчэ почувствовал, как сердце сжалось, и вспомнил свой сон. Тот маленький мальчик, который всегда отлынивал от уроков каллиграфии...

Может быть, это был он?

Эта мысль, как огонь, охватила его, и он не мог от неё избавиться...

Когда три фонаря уплыли по течению, Е Цзюньчэ всё ещё думал о трёх словах на фонаре Цзысан Яньшу...

И о своём туманном сне. Почему всё совпало?

Когда Цзысан Яньшу увидел, что Е Цзюньчэ задумчиво смотрит на воду, любопытство взяло верх, и он захотел узнать, что же тот загадал.

Его духовное сознание тихо скользнуло к воде, открыло фонарь и прочитало записку.

Там было всего четыре слова: «Цзысан Яньшу».

Он не мог поверить, что желание Е Цзюньчэ было так просто. Его желание...

Было им самим...

Когда фонари уплыли, Е Цзюньчэ естественно взял Цзысан Яньшу за руку и повёл его на шумный рынок.

Они растворились в толпе, но, несмотря на веселье и смех, Е Цзюньчэ чувствовал, что Цзысан Яньшу всё ещё оставался отстранённым.

Оставаясь в мире людей, храня город, Яньшу, кого ты ждёшь?

На рынке, среди множества украшений, Цзысан Яньшу остановился у прилавка с изящными подвесками и долго смотрел на них. Е Цзюньчэ спросил:

— Какая тебе понравилась?

Цзысан Яньшу осмотрел все подвески и с сожалением спросил продавца:

— Почему здесь нет подвесок с драконами?

Этот вопрос напугал продавца, и он поспешно объяснил:

— Господин, не шутите так! Драконы — это символ императора, и только он может использовать украшения с их изображением. Это карается смертью!

Увидев, как Цзысан Яньшу нахмурился, Е Цзюньчэ понял, что он собирается сказать что-то, что ещё больше напугает продавца, и тихо прошептал ему на ухо:

— Яньшу, это мир людей. Если хочешь подвеску с драконом, я вырежу её для тебя, не пугай продавца.

В мире людей дракон был символом императора, и все украшения с его изображением могли использоваться только им.

<http://bllate.org/book/15101/1334301>